

Введение

Повседневность в истории России. Опыты реконструкции

Повседневность – одна из самых трудных тем в истории России. Ее кажущаяся проста неочевидна, когда ставится вопрос – *как мы узнаем* чужую повседневность, если живем в своей собственной. Жизненные миры изменчивы не только на периферии, но и в эпицентрах. Повседневность тоже неодинакова. Если речь идет о процессе жизни, который нужно уловить во внешних проявлениях и во внешнем описании – это одно, а если речь идет о внутреннем сознании, о переживании жизни – то это уже другое.

При изучении, к примеру, вопросов быта каторжан могут быть существенны материальные аспекты, имеющие свою объективацию в статистике, правилах перемещения, перевозке, содержании заключенных и т. д. Но если речь идет о жизненном мире каторжан, то одними правилами каторги не обойтись: здесь потребуются реконструкция того, как именно осознавалась эта повседневность. Не данная нам непосредственно.

Словом, повседневность имеет два вида, которые могут пересекаться и дополнять друг друга, а могут и не пересекаться, – это формы повседневности, в которых мы видим ценностные приоритеты, и это формы презентации жизненного процесса в той или иной объективации.

Но опыт реконструкции необходим во всех направлениях изучения повседневности. Этому проблемному полю и посвящены статьи настоящего номера, о котором я позволю себе сказать более подробно.

В статье А.В. Каравашкина «Человек наблюдающий (видения, знамения, пророчества в Древней Руси)» акцентируется внимание на том, что история не дана нам как сама по себе существующая – она есть следствие наблюдения, а не отражения. Один современник видит то, что хочет оценивать, превращая свой рассказ в собрание ха-

рактистик, а другой ничего не хочет оценивать – только фиксирует. «Типологии наблюдателя в русской средневековой словесности еще нет», – отмечает А.В. Каравашкин.

Путь к раскрытию чужой повседневности – это путь к топомам, к общим мотивам, в которых на долгие годы (иногда даже на столетия) устанавливаются привычки определять ситуацию знакомыми образами. Например, в «Ином видении», отмечает исследователь, «московские сторожа из Овощного ряда подсматривают за происходящим в усыпальнице великих князей снаружи, с паперти, сквозь замочную скважину... наблюдение через щель или замок стало топосом восточнославянской книжности по крайней мере со времен Нестора...». Пророчества не только соединяются с повседневностью, но и становятся маркирующими признаками подлинности. В пророчествах Смуты видения довольно редки, в них нет прежней эсхатологической образности, зато житейские конфликты выражаются не в борьбе с бесами, как прежде, а в борьбе с «нерадивыми и погрязшими в пороках монахами».

Смена топосной риторики – один из главных элементов в реконструкции динамики культурных перемен – перемен прежде всего в том, что мы называем «повседневностью».

Статья М.П. Одесского («Карьера бога Марса в панегирической литературе петровской эпохи») – как раз о трансфере «новых политических конструкций и форм их выражения» в истории эмблем, геральдик. Сами эмблемы – это всегда сделанный выбор, в котором складывается приоритетный интерес либо к средневековью, либо к античности. Синтез в культуре – особая тема, ибо повседневность «нового времени» сочетала в себе естественным образом языческую культуру Древнего Рима в виде, например, бога Марса со вполне традиционным стилем христианских панегириков. Так на «языке» синтетической повседневности формируется особая имперская культура новой (петровской) России.

Не только обыденность мирского порядка есть повседневность, но и обыденность исполнительных функций власти – повседневность тоже, и только в опыте реконструкции того, как, например, ведет себя фаворит Екатерины Великой, П.А. Зубов в неформальной обстановке, можно увидеть непредсказуемую реальность жизненного мира, в которой органично соединяются функции исполнительного чиновника и высшего управленца империи. Фаворитизм – та повседневность, в которой каждому любимцу Екатерины отводилась своя роль. Зубов оказался хорош в странной (для современного человека) роли «спутника-собеседника».

И.В. Курукин (в статье «Известная должность»: жизнь и «служба» фаворита при дворе Екатерины II в конце XVIII в.) отмечает: «Камер-фурьерские журналы 1790-х гг. свидетельствуют, что значительную часть дня (по утрам, во время обеда, на “выходах”, дежурствах в качестве генерал-адъютанта, в “вечеровые часы”) Зубов проводил в обществе императрицы». Фаворит многофункционален, и только Екатерина знала, как использовать избранного ею человека в своей жизни. Никакого фаворитизма как такового, одномерного и безличного, не существовало вообще: фаворит всегда был порождением императорской воли. Его роль определялась ежедневными потребностями Екатерины II. «Перечисленные занятия требовали светского лоска, безупречного французского языка, танцевального мастерства – Зубову случалось открывать бал в паре с великими княжнами. И главного: умения – ежедневно, годами – быть интересным и обаятельным кавалером, чтобы не наскучить своей непростой даме» (И.В. Курукин).

Даже такие, казалось бы, «узнаваемые» ощущения, как чувство любви, достоинство брака, человеческих отношений, со временем претерпевают трансформации и становятся «неузнаваемыми» во взгляде нашего современника, не имеющего привычки думать так, как об этих фундаментальных ценностях думали люди другой исторической эпохи. Два письма В.А. Мусина-Пушкина, младшего сына археографа, графа А.И. Мусина-Пушкина, состоявшего в Северном обществе, были написаны невесте незадолго до свадьбы в 1828 г.: они выражают собой мировоззрение молодого аристократа, для которого существенны понятия семейного долга, родовой чести (статья Ю. Ким).

Фундаментально несходные установки жизненного мира людей разных эпох – одна из причин для ведения научных споров о природе политических чувств. В статье О.И. Киянской («Люди двадцатых годов»: Павел Пестель и Иван Бурцов) анализируется поведение декабристов, окрашенное тонами байроновского романтизма. Фигура П.И. Пестеля – по-прежнему центральная. Каким он был? Этот вопрос интересен теоретически тем, что никакого другого Пестеля, кроме как во взглядах на него других людей, не существует. Нет Пестеля «для всех» – и оценки различаются не только набором личных чувств и привязанностей, но и суммой моделирующих обстоятельств политического контекста. В зависимости от того, кем хотели видеть себя люди, кому они подражали, какой идеал человека они воображали – строится и отношение к человеку. Но, как отмечает О.И. Киянская, кроме романтических чувств, для современников Пестеля были актуальны и прагматиче-

ские соображения – они уживались, не конкурируя друг с другом, но дополняя друг друга. Исследователь пишет: «...сам факт такого участия ставил членов тайного общества перед необходимостью скрываться и лгать собственным начальникам. Заговорщикам приходилось использовать для достижения целей заговора служебное положение, изыскивать деньги на организацию революции и т. п.».

Словом, литература и жизнь, быт и бытие сплетали свой узор культурной повседневности русского дворянина, не удовлетворенного собой и традиционным укладом жизни. Событийность и обиходность – взаимозаменяемая пара, из отрицания привычки рождается событие, но ведь и привычка когда-то была событием повседневности...

История без наблюдателя – не история, а социология в духе марксизма. Сколько угодно можно говорить и писать о рекрутской повинности в технике исполнения военного призыва, но невозможно себе представить – до опыта реконструкции, – как на практике эта повинность вписывалась в реальность жизни городского и крестьянского сообществ. Наказывающая функция военного призыва не была простой и однозначной. В статье Н. Горелова рассматривается, как взаимодействовали между собой власть помещика и власть крестьянских общин. Фактически рекрутская повинность чем-то напоминает свойства естественной природы устанавливать равновесие, с той лишь разницей, что равновесие устанавливается в повседневной жизни разно-обустроенных социальных миров.

Отдельный интерес исследователя к миру ссыльных в значительной мере определяется отсутствием живой конкретики быта арестантов. В статье А.С. Гулина анализируются не формы восприятия этого наказания, а внешние контуры самой жизни тех, кого отправляли на каторгу по железной дороге. Такого рода исследования не привязаны к конкретным оценкам всей системы, но демонстрируют повседневность ее безличного функционирования.

Опыт реконструкции жизненного мира крупной профессионально-социальной корпорации сестер милосердия в годы Первой мировой войны раскрывается в статье А.Б. Асташева. Основываясь на большом архивном материале, исследователь впервые показывает, как устроена была эта корпорация в повседневности войны. Впервые даются комплексные характеристики социально-антропологического порядка: возраст, образование, психологические характеристики сестер милосердия и т. д. Исследователь приходит к выводу, что применительно к требованиям самой эпохи эта корпорация оказывалась «на высоте требований».

В работах, посвященных советскому периоду истории (А.Л. Юрганов, Д.М. Фельдман), акцентируется внимание на изучении идеологием, в которых содержится мифическая отрешенность массового сознания. В статье Фельдмана впервые рассматривается природа ностальгии в повседневности советского человека.

Подытоживая сказанное, хочется отметить важность осмысления путей научной реконструкции, без которой немислимо понимание не только чужеродной повседневности, но и самой истории России. Привычное построение ее под политические события, да и сама «политическая история», нередко оказываются лишь модернизацией прошлого, ибо любое событие в своем политическом русле не явит себя как факт самосознания эпохи без изучения океана повседневности.

А.Л. Юрганов